

УДК: 331; 349.2

В статье рассматриваются нормы трудового права, закрепленные в Конституции РСФСР 1918 г. Анализируются установления, косвенно затрагивающие трудовую правовую статус граждан РСФСР. Отмечается историческая уникальность социального деления населения страны по признаку отношения к труду. Делается вывод о расхождении декларативных положений Конституции 1918 г. о труде с реальной трудовой практикой раннего советского периода.

Ключевые слова: трудовое законодательство; история трудового права; Конституция 1918 г.; КЗоТ 1918 г.; РСФСР; трудовая повинность; эволюция трудового права.

The article deals with the norms of Labour Law enshrined in the Constitution of the RSFSR of 1918. The author analyzes the regulations that indirectly affected the labour legal status of RSFSR citizens. The historical uniqueness of the social division of the country's population on the basis of attitudes toward work is noted. It is concluded that declarative provisions of the Constitution of 1918 on labour do not match actual labour practices of the early Soviet period.

Keywords: labour legislation; history of Labour law; Constitution of 1918; Labor Code of 1918; RSFSR; labour service; evolution of Labor Law.

Н. В. Демидов

*Томский государственный университет
E-mail: fra_nickolas@list.ru*

Конституция РСФСР 1918 г. как источник трудового права

Научная статья

N. V. Demidov

Tomsk State University

The RSFSR Constitution of 1918 as a Source of Labour Law

Scientific article

Установление власти партии большевиков осенью 1917 г. ознаменовалось интенсивным конституционным нормотворчеством. Среди прочего были затронуты и отношения по труду. К важнейшим актам можно отнести Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа 25 января 1918 г. [1] и Конституцию РСФСР 10 июля 1918 г. [2]

Анализ норм Конституции РСФСР 1918 г. с трудовой точки зрения позволяет выделить два вида установлений. Одни напрямую регулируют отношения по труду, другие косвенно связаны с трудовым статусом лица.

Нормой первого вида явился п. «е» ст. 3, в котором сказано: «В целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства вводится всеобщая трудовая повинность».

Ключевой для трудового права стала ст. 18 Конституции РСФСР, согласно которой «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика признает труд обязанностью всех граждан Республики и провозглашает лозунг: “Не трудящийся, да не ест!”».

© Демидов Н. В., 2018

Предпринятый законодателем подход к тотализации труда был достаточно радикален. Для европейской повседневности того времени принудительный труд несколько столетий был нонсенсом. Принуждение к труду если и существовало, то носило опосредованный экономический характер. При фактической вынужденности занятости лицо сохраняло способность контролировать меру и вид деятельности, могло занять статус работодателя. Россия в начале XX века принадлежала к наиболее цивилизованным передовым странам мира. Она не полностью избавилась от пережитков феодального уклада, имела невысокое экономическое и правовое сознание. Однако даже для нее трудовая повинность как уголовно санкционированная обязанность относилась скорее к практике XVIII века. С принятием Конституции 1918 г. руководство страны попыталось воплотить в жизнь модель, способную выступить как примером крайней архаики, так и социально-экономическим прорывом в масштабах человечества. Как показала история XX в., принуждение к труду не оправдало себя и стало

атрибутом тоталитарных репрессивных режимов по всему миру.

Мотивируя внедрение принудительного всеобщего труда, народный комиссар почт и телеграфов Н. П. Глебов в своеобразной стилистике своего времени комментировал ст. 18 Конституции: «Сколько их было, паразитов? Сколько жило по заграницам, кутило и развратничало? А здесь в России на их землях и в их фабриках изнемогали от непосильного труда миллионы тружеников. Пришел конец тунеядцам и лодырям. Только тот, кто работает, будет иметь право на хлеб. Здоровые и сильные, но не желающие работать, будут не только лишены своего пайка – у них будет взято все, что награблено и припасено ими раньше. Нужно только установить контроль, слежку за всеми паразитами, привыкшими жить за счет других» [3, с. 18].

В последнем тезисе отразилась характерная особенность мышления государственных деятелей первых лет революции. Они психологически оказывались предрасположены к прямой государственной регламентации любых общественно значимых отношений. В дальнейшем подробные нормоустановления должны были обеспечиваться централизованным принуждением и тотальным контролем, слежкой. Цивилистические механизмы реализации правовых норм через категории выгоды, удобства, удовлетворения потребностей, баланса интересов сторон отходили на второй план. При этом не осознавалась закономерность, известная еще древним римлянам и выраженная в формуле «*Quis custodiet ipsos custodes?*» («Кто сторожит сторожей?»). Контроль и принуждение в области хозяйственных отношений всегда требуют разветвленного и крайне низкоэффективного аппарата контролеров. По мере своего развития он непропорционально растет и приходит к самозамыканию, образуя непроизводительный господствующий класс. Так уже на первых этапах вырабатывалась свойственная всей советской государственности парадигма административизма в управлении общественными процессами [4].

А. Я. Вышинский в 1938 г. писал: «Насилие пролетарской диктатуры есть насилие во имя окончательного уничтожения всякого рабства, всякой эксплуатации человека человеком. Только такое насилие, освященное великими целями коммунизма, имеет свое историческое оправдание» [5, с. 6].

Апологетика административно организованного труда встречается и сегодня. О. И. Чистяков пишет: «Тем не менее пролетарская демократия коренным

образом отличается даже от самых лучших образцов буржуазной демократии. Все до нее бывшие типы и формы демократии были эксплуататорскими, они существовали для эксплуататоров. Пролетарская демократия впервые принадлежит тем, кто раньше был эксплуатируемым, – трудящимся. Это означает и другое: все прежние демократии существовали для меньшинства, пролетарская демократия впервые служит большинству общества» [6, с. 20].

Государственный опыт РСФСР показал, что реализация норм Конституции РСФСР 1918 г. о трудовой повинности получила формы, далекие от идеальных образов. Труд стал инструментом террора. Вместо эксплуатации трудящимися нетрудовых прослоек сформировалась эксплуатация государством самих трудящихся. В особенности это сказалось на крестьянстве, за счет прав и собственности которого осуществлялись экономические рывки советского хозяйства до 1960-х годов. В то же время от имени государства рабочих и крестьян достаточно быстро установилась классовая диктатура чиновничества. Предполагавшаяся как делегированное правление от имени трудящихся советская республика быстро трансформировалась в авторитарное бюрократическое государство с формальными демократическими признаками.

Вопреки распространенному представлению, Конституция РСФСР 1918 г. не установила равных трудовых прав для женщин, национальных, расовых и иных меньшинств. Она установила общие равные обязанности. Какое-либо упоминание о трудовых правах или их гарантиях в Конституции отсутствует. Прежде всего это касается корреспондирующих обязанностей государства по отношению к личности.

Кроме непосредственных норм трудового права, Конституция 1918 г. закрепила ряд правил, связанных с трудовой правосубъектностью граждан. Так, в основу новой государственности был положен функциональный признак – отношение человека к труду. Отныне заявлялась особая сущность государственной власти: «Россия объявляется Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» (ст. 1); «Вся власть в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики принадлежит всему рабочему населению страны, объединенному в городских и сельских Советах» (ст. 10).

В рамках этой парадигмы исключительно трудящиеся получали право на оружие (п. «ж» ст. 3) и на службу в рядах вооруженных сил (ст. 19).

Рабочим и «крестьянской бедноте» предоставлялись помещения для собраний «с обстановкой, освещением и отоплением» (ст. 15), оказывалось содействие в организации собраний (ст. 16). По ограничительному признаку ставилась задача «предоставить рабочим и беднейшим крестьянам полное, всестороннее и бесплатное образование» (ст. 17).

Предлагалась несколько односторонняя трактовка свободы слова, согласно которой республика «уничтожает зависимость печати от капитала и предоставляет в руки рабочего класса и крестьянской бедноты все технические и материальные средства к изданию газет, брошюр, книг» (ст. 14).

Ограничивался конституционный статус работодателя. Так, не имели права избирать и быть избранными в Советы «лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли» (п. «а» ст. 65). Прямой запрет на наем рабочих рук не устанавливался. Однако, с учетом системы негативных последствий, данную функцию по преимуществу должно было принять на себя государство.

Пункт «б» ст. 65 лишал избирательных прав лиц, живущих на «нетрудовой доход: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества».

По-видимому, впервые в истории отношение к труду выступало критерием социального деления в масштабах целой страны. Объем политических, социальных, экономических прав человека и гражданина прямо зависел от трудового статуса лица как наемного рабочего, служащего или крестьянина. Казалось бы, за подобной идеологией есть конструктивная логика и известная справедливость. Реализовывался принцип социализма «каждому – по труду». Однако это ключевое установление могло быть преодолено. В силу ст. 23 Конституции, «руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции». Данную норму можно истолковать ограничительно, как механизм применения юридических санкций за совершение нормативно фиксированных правонарушений. На деле реализовывалось расширительное толкование, включавшее и политические санкции за инакомыслие. Таким образом, статус пролетария как таковой не означал гарантированного обладания гражданскими и личными правами и мог игнорироваться представителями партийно-государственной системы. По усмотрению бюрократического аппарата рабочих и крестьянин ограничивались

в правах, особенно если они выступали по политическим вопросам от собственного лица. Таким образом, политическая правосубъектность трудящегося в РСФСР носила во многом не личный, а коллективный характер. Вопреки Конституции преобладающим выступал не статус трудящегося, а соответствие интересам группы лиц, находящихся у власти.

Раннесоветский уклад, вопреки декларациям, сохранял элементы сословности. Согласно ст. 3 Конституции РСФСР 1918 г. ставилась задача уничтожения «всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы». В то же время активного и пассивного избирательного права лишались «служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома». Акцентированное тяготение к люстрации входило в коллизию с иными конституционными установлениями. Так, оказывался противоречивым статус бывшего полицейского служащего, с 1917 г. занявшегося трудовой деятельностью в хозяйстве РСФСР и влившегося в категорию рабочих как источника советского суверенитета. Классовое общество, формально стремящееся к бесклассовости, оказалось не способно избавиться от стереотипов мышления и исходило из ранее выработанной сословности.

В. С. Черняев утверждает, что разработка и принятие Конституции РСФСР 1918 г. не имели приоритетного значения для политической элиты: «Главные лица республики не участвовали непосредственно в разработке Основного закона. И мы не найдем в многочисленных работах и выступлениях В. И. Ленина этого времени упоминания о проблеме составления Конституции. Большевицкие теоретики и лидеры были больше заняты разработкой и обсуждением проблем новой Программы партии» [7, с. 28]. В то же время не вызывает сомнений продуманно манипулятивный характер раздела об избирательной системе. Для удобства партийной диктатуры было проведено расчленение класса трудящихся. Так, существовали разные нормы выборного представительства для городов и сельских территорий (уездов и волостей). Для избрания одного депутата требовалось в пять раз больше сельских работников (ст. 53). В итоге это обеспечивало доминирование в Советах слоя промышленных городских рабочих, в массе своей приверженных партии большевиков и лично В. И. Ленину.

Конституция РСФСР 1918 г. с точки зрения трудового права выступила прежде всего идеоло-

гическим источником. Она провозгласила идею общественно полезного труда как условия обладания личными и гражданскими правами. В этом ее конструктивное значение. В то же время реализация этого принципа претерпела влияние манипуляций представителей большевистской политической элиты. Нельзя оценивать этот исторический феномен как положительный или негативный. Известное пренебрежение формальными правилами в интересах реальной политики оказывалось в ту эпоху практически неизбежным. Думается, что в условиях первых послереволюционных лет злоупотребления последовали бы со стороны любой возобладавшей силы. Между тем практика советского хозяйства 1918–1922 гг. позволила преодолеть хозяйственный коллапс, сохранить национальную государственность. В то же время говорить о прямой преемственности современного законодательства о труде по отношению к нормам Конституции 1918 г. можно лишь в отдельных аспектах. Прежде всего это касается самой идеи значимости общественно организованного труда, получившего закрепление в высшем законе государства.

Сылки

1. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1918. № 15, ст. 215.
2. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1918. № 51, ст. 582.
3. Глебов Н. П. Наш основной закон. М.: Издательство ВЦИК, 1918. 40 с.
4. Демидов Н. Административизм как парадигма советского трудового права // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4. С. 102–109.
5. Первая советская Конституция (Конституция РСФСР 1918 г.): сборник документов / под ред. А. Я. Вышинского. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938. 465 с.
6. Чистяков О. И. Конституция РСФСР 1918 года. 2-е изд., перераб. М.: Зерцало-М, 2003. 216 с.
7. Черняев В. С. Конституция 1918 года: историко-правовой аспект // Труды оренбургского института (филиала) Московской юридической академии. 2017. № 17. С. 27–35.